

Жак Каматт, Джуианни Коллу

Об организации

Следующее письмо (от 04.09.69) привело к распаду группы, которая начала формироваться на основе позиций, изложенных в «Инварианте».

Часть вопросов, поднятых в письме, была частично рассмотрена, другие же почти не были затронуты. Вот почему необходимо — с учётом потребности более чёткого разрыва с прошлым — опубликовать его сейчас. Наша публикация должна позволить читателю оценить проделанную работу и то, что ещё предстоит сделать.

Так как оно является одновременно разрывом (и, следовательно, заключением) и новой точкой отсчёта, в письме содержатся некоторые неточности, которые могли бы послужить причиной ошибок. В комментарии мы укажем самые важные из них. Кроме того, тогда нам казалось, что можно «конкретно» показать, как оставаться революционером при отрицании группового метода, так что вполне объяснима интерпретация нашего отказа от небольших групп как возврат к штирнеровскому индивидуализму. Как будто единственной гарантией с того момента могла быть только субъектность, возвращаемая отдельным революционером! Вовсе нет. Тогда для нас стояла задача публично отвергнуть определённые восприятия социальной реальности и практику, связанную с ними, так как они были отправной точкой для процесса образования банд. Мы отказались от движения малых групп, и поэтому мы должны были наладить связи с другими революционерами, которыми были сделаны аналогичные выводы. Сейчас мы имеем дело с производством новых революционеров, которые не задерживаясь переступают ту точку, на которой мы в свое время вынуждены были остановиться. Таким образом, если мы не разорвём с политической точкой зрения в глубинах нашего индивидуального сознания, нам всегда будет мерещиться некий «союз». Главная суть политики — это представление, и каждая группа всегда пытается спроецировать на социальном экране внушительное изображение самой себя. Группы всегда подробно разъясняют, в чем заключается это представление, чтобы определённые лица признали в них авангард для представления иных людей, т. е. класса. Это проявляется в пресловутом «чем-мы-отличаемся-от-всех-других» различных мелких групп, стремящихся к признанию. Все подразделения ограничены и часто сводятся к набору представительных лозунгов для маркетинга банды. Любое политическое представление — это экран и, следовательно, препятствие для слияния сил. Поскольку представительство может происходить на индивидуальном уровне так же, как и на уровне группы, обращение к прежнему уровню будет для нас лишь повторением прошлого.

Каматт, 1972

«Мы оба не дадим и ломаного гроша за популярность. Вот, например, доказательство: из отвращения ко всякому культу личности я во время существования Интернационала никогда не допускал до огласки многочисленные обращения, в которых признавались мои заслуги и которыми

мне надоедали из разных стран, — я даже никогда не отвечал на них, разве только изредка за них отчитывал. Первое вступление Энгельса и моё в тайное общество коммунистов произошло под тем неперменным условием, что из устава будет выброшено все, что содействует суеверному преклонению перед авторитетами».

Маркс — Блосу, 10.11.1877

«Разве в обиходе и деловых отношениях буржуазного общества возможно избежать грязи? Как раз там её естественное место. . . Респектабельную подлость или подлую респектабельность платёжеспособной (впрочем, и это, как показывает всякий торговый кризис, лишь с весьма двусмысленными оговорками) морали я не ставлю ни на грош выше нереспектабельной подлости, от которой не были вполне свободны ни первые христианские общины, ни Якобинский клуб, ни наш покойный «Союз». Только при буржуазных взаимоотношениях привыкаешь к тому, что теряется чувствительность к респектабельной подлости или подлой респектабельности».

Маркс — Фрейлиграту, 29.02.1860

Утверждение капитала в материальном существовании, а значит и в социальной общности, сопровождается исчезновением традиционных индивидуальных капиталистов, относительным, а иногда и абсолютным, уменьшением пролетариата, и ростом новых средних классов. Каждое человеческое общество, независимо от того, насколько оно мало, обусловлено способом существования материального общества. Современный способ существования проистекает из того факта, что капитал может валоризировать себя — то есть существовать и развиваться — только если отдельные его части в процессе автономизации капитала противостоят общественному миропорядку в соразмерности с всеобщим социализированным эквивалентом — капиталом. Капитал нуждается в этом противостоянии (конкуренции, соперничестве); он может существовать только за счет дифференциации. С этой точки зрения, социальная ткань формируется на основе соперничества конкурирующих «организаций» (банд).

«Оно воспроизводит новую финансовую аристократию, новую разновидность паразитов в образе прожектёров, учредителей и чисто номинальных директоров; оно воспроизводит целую систему мошенничества и обмана в области учредительства, выпуска акций и торговли акциями. Это — частное производство без контроля частной собственности».

Капитал, Т.3

«Экспроприация — исходный пункт капиталистического способа производства; осуществление её является его целью, и, в частности, его целью является экспроприация всех индивидуумов от средств производства,

которые с развитием общественного производства перестают быть средствами частного производства и продуктами частного производства и могут быть средствами производства лишь в руках ассоциированных производителей, т. е. их общественной собственностью, как они являются их общественным продуктом. Но эта экспроприация в пределах самой капиталистической системы выражается в антагонистической форме, в форме присвоения общественной собственности немногими; а кредит всё больше придаёт этим немногим характер чистых рыцарей наживы».

Там же

Как начало производственного процесса (создания стоимости), коммерческое предприятие сдерживает движение капитала, фиксируя его в определённом месте. Поэтому он должен преодолеть эту стабилизацию, утратить свой фиксированный характер. Так возникают предприятия, не имеющие собственности, но которые по-прежнему позволяют в мистифицированной форме получать прибавочную стоимость. Здесь постоянный капитал равен нулю, так что необходимо только совсем небольшое количество капитала, чтобы повернуть «дело». Наконец, есть даже фиктивные предприятия, благодаря которым проходит большинство спекуляций.

«Сегодня капитал постоянно выступает в форме «организации». За этим словом-синонимом в славные дни трудовых конфликтов все вместе шли в открытую борьбу, но сейчас это просто лицемерный вымысел об общих интересах бизнесменов, администраторов, техников, неквалифицированных рабочих, роботов и сторожевых псов. Скрываясь за невыразительными и анти-мнемоническими товарными знаками компаний, за терминами типа «элементы производства» и «стимулирование национального дохода», капитал по-прежнему выполняет свои старые омерзительные функции; функции гораздо более недостойные, чем у предпринимателя на заре буржуазного общества, который лично способствовал развитию дела своим интеллектом, мужеством и истинным новаторским духом. Организация является не только современным обезличенным капиталистом, но и капиталистом без капитала, поскольку он ей не требуется. . . . Коммерческая организация имеет свой собственный план. Она не становится надёжной фирмой с активами, а лишь «корпоративным фасадом» с фиктивным капиталом. Если кто-то оплатил авансом, это только для того чтобы заслужить доверие правительственных учреждений в которых рассматриваются заявки, предложения и контракты. Это показывает ложность глупой доктрины о том, что государство или партийная бюрократия представляет собой новый правящий класс, который одинаково зажимает пролетариев и капиталистов. С марксистской точки зрения легко отвергаются такие смешные гипотезы. Сегодня «специалист»

— хищник, бюрократ и убогий подхалим.

Организация отличается от рабочей коммуны (либертарной иллюзии, которую невозможно найти в известных нам пределах) тем, что в каждой форме присутствует иерархия функций и привилегий. Не может быть иначе, ведь фирма автономна на рынке и должна приносить прибыль. Недавние сообщения из России, касающиеся региональной децентрализации и расширения независимости отдельных предприятий, показывают тенденцию к взрывному расширению контрактной системы, с помощью которой государство нанимает для себя организации во всех секторах экономики, организации, которые фактически являются бизнес-бандами, с изменяющимся и неуловимым составом персонала. Они подобны различным жадным формам, которые характеризуют современную строительную индустрию во всех современных капиталистических системах». *А. Бордига. «Экономическая и социальная структура современной России»*

Государство не только нанимает себе банды, но и само становится бандой. Тем не менее, оно по-прежнему играет роль посредника.

«Абсолютная монархия (которая сама по себе продукт растущего буржуазного богатства, развивается до тех пор, пока она не становится несовместимой со старыми феодальными отношениями) — это необходимость определённого пути для единой силы, что утверждается через эгалитарные формы. Абсолютная монархия должна иметь возможности осуществлять эту власть на всех точках периферии; она нуждается в этой власти, как материальном рычаге всеобщего эквивалента; богатство становится все более эффективным и мощным в своих формах и все более независимым от всех специальных, местных, природных, индивидуальных отношений». *К. Маркс, Экономические рукописи (1857-1861)*

В чистом виде государство появилось с властью всеобщего эквивалента, в момент роста закона стоимости в период простого товарного производства. В фазе формального господства капитала, когда ещё нет доминирования закона стоимости, государство является посредником между капиталом и трудом. Кредитная система была ещё слабо развита, и не было возможности использовать фиктивный капитал в больших масштабах. Капитал нуждался в жёсткой привязке к золотому стандарту. При переходе к реальному господству, капитал создал собственный всеобщий эквивалент, который не мог иметь такой жёсткой привязки к золоту, как это было в период простого обращения. Само государство потеряло свою устойчивость и стало бандой-посредником между различными группировками и между общим и частным капиталами.

Мы можем увидеть такие же преобразования в политической сфере. Центральный комитет партии или какой-либо центральный орган играет ту же роль, что и государство. Демократический централизм является лишь подража-

нием парламентской форме деятельности, характерной для формального господства. И органический централизм, утвердившийся лишь в отрицательной форме, как отказ от демократии и её формы (подчинения меньшинства большинству, голосования, съездов и т. д.), на самом деле есть лишь повторение прошлых ошибок в более современной форме. Это приводит к мистификации организации (как это было с фашизмом). Таким образом ИКП (Интернациональная коммунистическая партия) превратилась в банду.

Пролетариат уничтожен, эта тенденция капитала не встречает реального сопротивления в обществе и поэтому может производить себя все более и более эффективно. Реальная сущность пролетариата была отвергнута, и он существует только в качестве объекта капитала. Таким же образом была уничтожена и теория пролетариата — марксизм; сперва Каутский начал её пересмотр, а затем Бернштейн ликвидировал её. Это поражение стало окончательным, и с тех пор все попытки пролетариата воскресить марксизм потерпели поражение. Это всего лишь ещё один способ сказать, что капитал преуспел в установлении своего реального господства. Для этого капиталу пришлось поглотить движение, которое опровергает его, поглотить пролетариат, и создать единую систему, в которой пролетариат существует просто как объект капитала. Только кризис может уничтожить такую систему, такой кризис, который описывал в своих работах Маркс. В таком положении дел и следует искать причину исчезновения всех форм политической организации рабочего класса. Их место заняли банды, противостоящие друг другу в жестокой конкуренции, настоящие рэкетеры, соперничающие друг с другом из-за товара, но идентичных по своей сути.

Существование банд происходит из тенденции капитала к поглощению своих противоречий. Антикапиталистические движения поглощаются и воспроизводятся в фиктивной форме. Капитал отрицает, либо стремится отрицать основные принципы, на которых он выстраивается, но в действительности он оживляет их в фиктивных формах. Банда — ясное выражение этой двойственности:

- начальник, менеджер — карикатура традиционной особы (и его клики)
- коллективная форма — карикатура сообщества, основанного на общих интересах

Таким образом, движение отрицания растворяется в бандах, которые реализуют его внешний облик. Банда также выполняет ещё одно требование капитала: она заменяет все естественные или человеческие предпосылки предпосылками, определяемыми капиталом.

В своих внешних связях политическая банда стремится скрывать существование клики, ведь для успешной вербовки ей нужно иметь привлекательный внешний вид. Она покрывает себя вуалью скромности, чтобы увеличить свою

власть. Когда банда обращается к окружающей среде с помощью журналов, обзоров и листовок, она думает, что нужно говорить на уровне масс, чтобы быть понятой. Она говорит о непосредственном, потому что хочет стать посредником. Рассматривая всех за пределами банды как идиотов, она считает своим долгом публиковать банальности и всякую чушь, чтобы привлечь побольше этих идиотов. В конце концов, она сама соблазняется своей собственной чушью и поглощается окружающей средой. Однако, когда новая банда займёт место предыдущей, её первый теоретический вопль будет состоять из описания всех проступков и ошибок тех, кто предшествовал ей. Чтобы снова начать великий путь обольщения, новая банда должна найти новый язык, она должна создать собственный, неповторимый образ.

Оказавшись в банде (или на другом предприятии), человек психологически привязывается к нему. Если он обладает какими-то навыками, способностями, то банда тут же начинает эксплуатировать их, и человеку не нужно усваивать «теорию». В обмен на это ему дается место в правящей клике, его делают мелким лидером. Если же он не показывает выдающихся способностей, то вход в банду обменивается на распространение ее позиций. Даже в тех группах, которые хотят избежать социальной данности, механизм банды, тем не менее, преобладает из-за различной степени теоретического развития членов группы. Неспособность самостоятельно отстаивать теоретические взгляды ведет к тому, что индивиды стремятся укрыться за авторитетом другого члена, который объективно становится лидером, или за группой, которая становится бандой. В отношениях с людьми за пределами группы индивид использует своё членство как средство обособления и дифференциации. Всё это, в конечном счёте, делается для того, чтобы оградить себя от признания своих собственных теоретических недостатков. Принадлежать, чтобы исключать, — вот суть внутренней динамики банды, основывающейся на противопоставлении внешнего и внутреннего. Даже неформальные группы деградируют до уровня политического рэкета — это классический случай, когда теория становится идеологией.

Желание принадлежать к банде происходит из желания идентифицироваться с группой, обладающей высоким престижем: теоретическим престижем для интеллектуалов и организационным престижем для так называемых практиков. Коммерческая логика также распространяется и на «теоретическую» сферу. С ростом массы идеологического товарного капитала необходимо создавать глубокую мотивацию, чтобы потребители покупали твой товар. Лучшая мотивация для этого — больше учиться, больше читать, чтобы быть выше, для того, чтобы выделяться из толпы. Престиж и исключительность — это признаки любого вида конкуренции; и политические банды здесь не исключение — они превозносят свою оригинальность, свой престиж, чтобы привлечь внимание. Именно поэтому существует культ организации, и прославляется своеобразие банды. С этого момента больше нет вопроса защиты «теории»,

а есть лишь вопрос сохранения организационной традиции (см. ИКП с её идолопоклонством перед Итальянской левой).

Также теория часто используется в политических маневрах, например, для поддержания своего прорыва на руководящие должности или для обоснования смещение нынешнего руководителя.

Оппозиция внешнее-внутреннее и структура банды по максимуму развивают дух соревнования. Теоретическое образование становится, по сути, элементом политического естественного отбора, эвфемизмом разделения труда. В рамках группы одновременно происходит следующее: с одной стороны, теоретизирования о существующем обществе, с другой, под предлогом отрицания этого общества, происходит его гротескное копирование с ещё большей иерархизацией; и все ещё больше усугубляется воспроизведением оппозиции внешнее-внутреннее в разделении между центром банды и массой активистов.

Форма политической банды достигает своего совершенства в тех группах, которые утверждают, что хотят заменить существующие социальные формы (такие как культ личности, лидера и демократии). На практике анонимность (понимаемая просто как антииндивидуализм) означает неудержимую эксплуатацию членов банды в целях производства прибыли для руководящей клики, которая приобретает престиж от всего, что делает банда. Органический централизм становится практикой лицемерия, так как двурушничество организаций демократического централизма воспроизводится и в партиях, отрицающих его.

Кажущееся глубинное единство банды поддерживается угрозой исключения. Тех, кто не соблюдают нормы, выгонят под предлогом клеветнических обвинений, и, даже если они уходят добровольно, их все равно оклеветают. Эта угроза также служит в качестве психологического шантажа для тех, кто остается. Этот процесс прослеживается во всех типах банд.

В коммерческих бандах, современных формах предприятия, человека выгонят с работы, и он остается на улице.

В молодёжной банде, человека избивают или убивают. Здесь мы находим восстание в его грубой форме; одинокий человек слаб, ему не хватает защиты и поэтому он вынужден присоединиться к банде.

В политической банде, исключение под предлогом клеветнических обвинений есть ничто иное, как сублимация убийства. Клевета оправдывает его изоляцию или используется, чтобы заставить его уйти «по собственному желанию».

Конечно, в действительности различные методы переходят из одного типа банды в другой. Коммерческие сделки сопровождаются убийствами, и трупы засчитываются в качестве платежей по счетам.

Таким образом, капитализм есть торжество организации, и формой такой организации является банда. Это торжество фашизма. В Соединённых Штатах

рэклет процветает на всех уровнях общества. Тоже самое и в СССР. Теория иерархического бюрократического капитализма в формальном смысле слова, — это абсурд, так как банда есть неформальный организм.

Альтернативой на теоретическом уровне является превознесение дисциплины, требование непорочности активиста (см. пример группы «Rivoluzione Comunista», которая порвала с ИКП в 1964 году по вопросу создания истинной элиты активистов, которые ничего бы не делали, но лишь отстаивали позиции «ультрабольшевизма», в котором Лукач видел альтернативу массовым оппортунистическим партиям типа КПГ, переродившихся в течение двух лет (см. главу «К методологии проблемы организации» в книге «История и классовое сознание»). Это все равно, что сказать, что на уровне половой жизни альтернативой разложению является пропаганда аскетизма. Абстрагируясь от реальности, такая точка зрения создает пропасть между теорией и практикой.

Все это отражает растущее отделение человека от человеческого сообщества, нищету в марксовом понимании. Создание банды — это учреждение иллюзорного сообщества. В случае молодёжной банды, это результат фиксации на элементарном инстинкте восстания в его непосредственной форме. Политическая банда, наоборот, хочет выставить своё иллюзорное сообщество как модель для всего общества. Такое утопическое поведение не имеет никакого реального основания. Утописты надеялись, что всё человечество в конечном итоге будет включено в их общины, но в действительности их общины были поглощены капиталом. Таким образом вступительные слова Устава Первого Интернационала актуальны как никогда: «Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих».

В настоящее время у пролетариата есть два пути: либо он становится прообразом коммунистического общества и реализует коммунистическую теорию, либо он остается частью существующего общества. Движение Красного мая послужило началом формирования прообраза коммунизма. Пролетариат не может ни в коей мере осознать себя в какой-либо организации, поскольку он уже претерпевает их в других формах. Движение Красного мая чётко демонстрирует это.

Когда пролетариат терпит крах, его непосредственной формой существования становится сам процесс капитала. Рабочие партии во времена Маркса были основаны непосредственно движением пролетариата того времени. Они были обречены играть в буржуазный парламентаризм. Сегодня, когда наблюдается уничтожение политики в ходе капиталистического развития, любые «организации», заявляющие о своём пролетарском характере, на деле же являются бандами или кликами, которые при посредничестве государства играют ту же роль, что и все другие группы, находящиеся непосредственно на службе капитала. Мы находимся в фазе малых групп. Во времена Маркса преодоление сектантства могло быть найдено в единстве рабочего движения. Сегодня партии, эти крошечные группы, проявляют не только отсутствие единства, но

и отсутствие классовой борьбы. Они делят между собой остатки пролетариата. Они теоретизируют о пролетариате, как он дан непосредственно, и противопоставляют себя его движению. В этом смысле они выполняют требование стабилизации капитала. Поэтому пролетариату, вместо того, чтобы заменить их, необходимо их уничтожить.

Соответственно, критика капитала должна быть, критикой рэкета во всех его формах, критикой капитала как социального организма; капитал становится реальной жизнью человека и его бытием с другими людьми (см. на эту тему: Маркузе, «Одномерный человек» и Гэлбрейт, «Новое индустриальное государство»). Теория, критикующая рэкет, не может одновременно воспроизводить его. Отсюда вытекает отказ от всех форм групповой активности, иначе — иллюзия сообщества.

Можно сделать следующий вывод: во времена Маркса пролетариат не мог пойти так далеко и отрицания себя — в том смысле, что в ходе революции он должен был выступать в качестве господствующего класса: 1848, 1871, 1917. Тогда существовало чёткое разделение между формальной и исторической партиями. Сегодня партия может быть только исторической. Любое формальное движение воспроизводит это общество, а пролетариат, по сути, существует за его пределами. Группа не может претендовать на построение нового общества, не занимая место пролетариата в этом процессе, ведь только он может это сделать. Такие попытки привносят искажения, что в свою очередь порождает теоретическую неопределённость и практическое лицемерие. Недостаточно развивать критику капитала и даже говорить о ненужности организационных связей; необходимо избежать воспроизведения структуры банды, так как она есть естественный, спонтанный продукт общества. Это положение должно лечь в основание критики Итальянской Лево́й и нашим способом существования после разрыва с ИКП.

Революционер не должен идентифицировать себя с группой, но должен осознавать себя в теории, независимой от группы и являющейся выражением существующей классовой борьбы. На самом деле, лучше понимать анонимность так, а не как отрицание индивидуальности (которое капиталистическое общество осуществляет и так). Если вы намерены порвать с воспроизведением отношения учитель-ученик — ещё одной формой противоречия дух-тело, лидер-массы, абсолютно необходимы теоретические знания и стремление к теоретическому развитию. Более того, стремление к теоретическому развитию должно реализоваться автономно и индивидуально, а не с помощью группы, служащей в качестве мембраны между человеком и теорией.

Необходимо вернуться на позиции Маркса по отношению ко всем группам, чтобы понять, что должно быть сделано на практике для разрыва с бандой:

- отказаться от восстановления группы, даже неофициальной (см. переписку Маркса-Энгельса, различные работы по революции 1848 года и брошюры

- типа «Великих мужей эмиграции»).
- поддерживать сеть личных контактов с людьми, добившихся (или находящимися на пути к этому) высочайшего уровня теории: антивождизма и антипедагогике; партия в историческом понимании — это не школа.¹

Деятельность Маркса всегда была направлена на выявления реального движения, которое ведёт к коммунизму и защищает завоевания пролетариата в его борьбе с капиталом. Отсюда вытекает и позиция Маркса в 1871 году по «невозможному выступлению» Парижской Коммуны и заявления о том, что Первый Интернационал не был детищем теории или секты. Сейчас необходимо сделать то же самое. Те, кто пожелает выйти с нами на контакт в связи с идеями, изложенными в данном обзоре, чтобы развить их и вывести более

---

¹ Речь идёт о неуверенной позиции, занятой Марксом в определённый момент своей революционной деятельности в результате глубокого непонимания завершения фазы формального господства капитала. Маркс занимал позицию адекватную только для этого периода. Кроме того, его теоретические позиции по вопросу о партии не такие прочные, как указано в письме. Ещё менее приемлемым в выше изложенных утверждениях является то, что они могут привести к созданию новой теории привнесения сознания извне посредством элитарной теории развития революционного движения.

Отказ от любой организации это не просто антиорганизационная позиция. Если оставить все как есть, то вновь будет проявляться стремление к оригинальности, будут продолжаться попытки выделить себя среди других и тем самым занять привлекательные позиции. И формирование банды начнётся снова.

К решению о роспуске группы мы пришли в результате изучения становления капиталистического способа производства с одной стороны, и нашей характеристики движения Красного мая, с другой. Мы глубоко убеждены, что революционное движение сейчас на подъёме и что сознание как всегда отстает от действия. Это означает, что революционеры, участвуя в широком движении против капитала, примут определённую модель поведения (разумеется, не сразу), совместимую с решительной борьбой против капитала.

Мы можем предвидеть содержание таких «организаций». Они будут сочетать в себе стремления к человеческому сообществу и к утверждению личности, что является отличительной особенностью текущей революционной фазы. Революция будет направлена на примирение человека с природой, коммунистическая революция будет также восстанием природы (т. е. восстанием против капитала; причём только через новые отношения с природой), потому что только так мы сможем выжить и не допустить второй из двух альтернатив, с которыми мы сталкиваемся сегодня: коммунизм или уничтожение человеческого рода.

Для того, чтобы лучше понять становление организации, чтобы не препятствовать процессу становления, необходимо оставить все старые формы и без априорных принципов войти в огромное движение нашего освобождения, которое развивается в мировом масштабе. Необходимо устранить всё, что может быть препятствием для революционного движения. В данных обстоятельствах и в ходе конкретных действий революционное течение будет структурировано, и структурирование будет проходить не пассивно и спонтанно, а всегда будет направленно в сторону реализации истинного Gemeinwesen и общественного человека, что предполагает примирение людей с природой. (Каматт, 1972).

подробное, точное и чёткое выражение, должны изменить свои отношения в соответствии с принципами, изложенными выше. Те, кому это не удастся это, будут склонны к повторению практики банды.

Из этого следует необходимость развития критики концепции «программы» Итальянской коммунистической левой. О том, что понятие «коммунистической программы» никогда не было достаточно точно сформулировано, свидетельствует тот факт, что в определенный момент дискуссия Мартова и Ленина вновь заняла центральное место среди левых. Возникновение полемики стало результатом уничтожения марксовской концепции революционной теории, что является отражением полного разделения между концепциями теории и практики. Для пролетариата, как понимает его Маркс, классовая борьба является одновременно производством и радикализацией сознания. Критика капитала отражает сознание, созданное в классовой борьбе и предвещающее её будущее. Для Маркса и Энгельса пролетарское движение=теория=коммунизм.

«Г-н Гейнцен воображает, что коммунизм есть некая доктрина, которая исходит из определённого теоретического принципа, как из своего ядра, и делает отсюда дальнейшие выводы. Г-н Гейнцен жестоко ошибается. Коммунизм не доктрина, а движение. Он исходит не из принципов, а из фактов. Коммунисты имеют своей предпосылкой не ту или другую философию, а весь ход предшествующей истории и, в особенности, его современные фактические результаты в цивилизованных странах. . . Коммунизм, поскольку он является теорией, есть теоретическое выражение позиции пролетариата в этой борьбе и теоретическое обобщение условий освобождения пролетариата».

Ф. Энгельс, «Коммунисты и Карл Гейнцен»

На самом деле, проблемы привнесения сознание извне для Маркса не существовало. В то время не стояло вопросов о развитии активистов или академизма. Кроме того, для Маркса не существовало проблематики самообразования масс, в том смысле как её понимали коммунисты советов (ложные последователи Р. Люксембург и истинные сторонники педагогического реформизма). К позиции Маркса наиболее близка теория классового движения Р. Люксембург, согласно которой борьба находит условия для радикализации в самой себе.

Всё это показывает необходимость преодоления буржуазной формы восприятия и постижения социальной реальности, взяв, опять же как Маркс, гегелевское доказательство посреднического характера любой формы непосредственности; «научной» мысли характерно как раз принятие непосредственного факта как реального объекта познания без восприятия и постижения посредничества, лежащего в его основе. На основе такой гносеологии в капиталистическом обществе социальные явления становятся реальностью и наоборот. Реальное бытие пролетариата скрывается, а класс воспринимается

в его видимой форме жизни. Поэтому существует проблема сознания, приносимого извне, и, когда пролетариат проявил своё истинное бытие (1905-1917), все были ошеломлены и остолбенели. Итальянская коммунистическая левая, несмотря на её пронизательность в области теории пролетариата, не смогла в 1950 году окончательно разорвать со своим прошлым (1919-1926). Их критика троцкизма, коммунизма советов и т. д. не достигла интегрального восстановления марксовских понятий партии и пролетариата. Из-за этого, их официальная позиция и реальная сущность колебались между концепцией программы как «марксистской школы» и троцкистской разновидностью ограниченного активизма. Второй аспект стал доминирующим после 1960 года в связи с тем, что «школой» овладела клика гангстеров совершенно чуждых теории и пролетариату. Это стало возможным благодаря, прежде всего, их неизменной неопределённости позиций по проблемам, имеющим жизненно важное значение: вопросу профсоюзов и понятию «авангард пролетариата», от которого в официальных обсуждениях отказывались, но который сохранялся в официальном уставе. Уже после этого произошло воскрешение дискуссии Мартова-Ленина по вопросу об организации, продемонстрировавшее, что это течение однозначно мертво, и в мае 68-го состоялись его официальные похороны.

С тех пор как мы покинули ИКП, мы стремились устранить неопределённость, вызванную нашими попытками выделить позитивные черты у левых. В результате у нас получилось лишь подстегнуть левых к совершенствованию, а сами мы превратились в их самое крайнее крыло (см. статьи в «Инварианте»). И это привело нас обратно к групповой деятельности. Хотя мы и рассматривали нашу группу как «неформальную», тенденция к замещению собой пролетариата все равно возобладала. Нет смысла говорить о приспособленчестве левой, так как их теория с самого начала не была интегральной теорией пролетариата. Таким образом, уже недостаточно сказать, что создание партии в 1943 году было преждевременным шагом; необходимо сказать, что это было шагом абсурдным. Соответственно, необходимо порвать с нашим прошлым и вернуться на позиции Маркса.

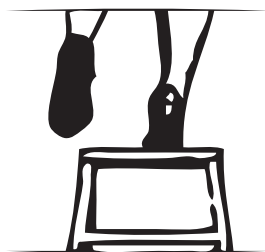
Это письмо было написано не как окончательное и исчерпывающее рассмотрение обсуждаемой темы; оно предназначено для разрыва со всем прошлым группы. Подписи, оставленные ниже, нужны для акцентирования этого разрыва и не означают нашего отказа от прошлых позиций на предмет анонимности.

Жак Каматт, Жианни Коллу, 1969

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

21 мая 2012

Жак Каматт, Жианни Коллу

Об организации

1969

Перевод с английского - СРС

Сохранено 12 декабря 2011 г. из **revsoc.org**